

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

БРОДВЕЙСКАЯ
ПРЕМЬЕРА

ЭДУАРДА ОЛБИ критика считает едва ли не самым популярным современным американским драматургом. Каждую его пьесу ждут, почти каждая — событие на Бродвее. У последней работы Олби необычная история. Он увлекся идеей переделать для американской сцены и публики пьесу недавно умершего английского писателя Джайлса Купера. А увлекшись, создал пьесу собственную, в которой от Купера ничего не осталось. Две недели назад в театре «Плимут» состоялась премьера.

Время действия — наши дни. Место — одно из тех очаровательных пригородных местечек, которые сотнями и быстро, как грибы, выросли за последние два десятка лет вокруг крупных американских городов и даже, как утверждают, «изменили концепцию» нынешнего жилья. «Средний класс» тем охотнее бежит в предместья, чем выше квартирные цены и нервная нагрузка в городах и чем больше в них негров, несущих с собою с юга нищету и трущобы. Делать деньги в городе, а жить почти на лоне природы, в комфортабельном микромире собственного дома и сада, в нетесном соседстве так называемых порядочных людей, подальше от чернокожих, кладущих на душу ненужное чувство тревоги и даже вины — вот реализованная мечта миллионов.

Итак, спектакль «Все в саду», а точнее, по смыслу — «Чтобы все было в саду». Действие происходит в гостинице загородного дома, где все — чистота, покой и приличия и где окно во всю стену, а за ним чудо свежеезеленого, идеально ухоженного сада. Джени — домохозяйка. Ее муж Ричард — химик, но это совсем неважно, что он химик. С помощью драматурга они с первых же реплик берут быка за типично американские рога, точно представляя себе цену — сорок тысяч долларов. Вот это важно. Сорок тысяч долларов стоит их новый дом — а значит они сами, по крайней мере в глазах соседей.

Мани... Мани... Чувствуете, как мелодично слово «деньги» по-английски? Режиссер Питер Гленвилл не просто упивается музыкой этого слова. В доме Джени и Ричарда оно звучит, как куранты, отбивающие прошлое, настоящее и будущее. Весь семейный разговор — это «шепоток», разговор о деньгах и покупках. Денежки у них водятся, но вместо обеда сэндвичи, пятнадцатилетний сын Роджер не может попасть в платный лагерь на каникулы, они покупают сигареты подешевле и держат самую дешевую водку для коктейля. Они воодушевленно экономят во имя великой цели: «чтобы все было в саду».

Они мечтают купить оранжеерею. Цветоводы-любители? Ничего подобного. Они живут по святому принципу обывателей: А что у Джонса, что у соседа? Не что у Джонса в голове и за душой, а что у Джонса в кармане, банке, доме и саду. Трагикомедия Джени и Ричарда начинается с того, что в их очаровательном местечке есть такие Джонсы, у которых дома подороже и оранжеереи в садах, и членство в частном клубе, недоступное карманам нашей пары. И вот эти Джонсы царствуют на ярмарке окрестного тщеславия, указывая Джени и Ричарду на их неполноценность, или, если расчленишь это слово, на их неполную ценность. В самом деле, что ты за человек, если у тебя нет оранжеереи? И какое право ты имеешь уважать себя?

Но суматошная, только что выскользшая из нувориши Джени и ее ворчливый, но тем не менее сознающий величие цели Ричард стараются, готовя прорыв к оранжеерею на плацдарме своего дома. Стараются медленно, но верно.

И вдруг, когда Джени одна в доме, приходит незнакомка, по-офицерски властная мисс Туз. — Какой прелестный сад! Вы мечтаете об оранжеере? — И мисс Туз, вынув из сумочки тысячу долларов, искусительно шуршит ими, предлагая Джени аванс за одну работу, так, иногда днем, когда муж на службе. Джени, конечно, делает стойку перед этой тысячей. Но все-таки, что это за работа? — Не берете, — вместо ответа говорит мисс Туз и вызывающе спокойно рвет одну банкноту, другую, третью. Это зрелище не по силам Джени. Она хватается поредевшую тысячу. И тогда незнакомка небрежно уточняет, что речь идет о работе «колгёрл», девушки по вызову, а уж если назвать вещи своими именами — проститутки. Скандал. Буря благородного негодования. Выгнанная мисс Туз невозмутимо удаляется, оставив и деньги и визитную карточку, — похоже, что

она знает психологию любителей оранжерей. А тут возвращается Ричард с еще одним самоунизительным сообщением из того же репертуара: паршивый владелец занюханной винной лавочки, представляешь себе, покупает вторую машину. Джени колеблется недолго. В конце концов даже Ричард не будет знать, чем она занимается. Зато оранжеерея, о ней будет знать все.

Через шесть месяцев на имя Ричарда приходит заказной почтовый пакет с деньгами. Откуда? Не сообщить ли в полицию? Джени убеждает его, что, конечно же, это деньги от какого-то безвестного добродетеля. Соблазн велик, и Ричард принимает эту версию. На радостях они решают закатить прием для соседей, и не просто вечеринку, а в саду, как это делается у богатей — «гарден парти» с шампанским и икрой. Неожиданно Ричард находит в сумочке у Джени еще одну здоровенную пачку денег. Он требует объяснений, и она наконец признается. Стыд, безумная ревность, драка, но и замороженные взгляды на стол, где лежат деньги. Вот она мечта, так близко. И она кидает ему в лицо истину, для нее уже бесспорную: «Разные деньги? Есть лишь три сорта денег — слишком много, слишком мало и как раз столько, сколько нужно... Шлюха? Все мы шлюхи!» И беснующийся Ричард понимает, что она права.

Последний акт — вечеринка в саду, апофеоз процветания и успеха. Три приглашенные супружеские пары. Друзья? Что вы! Люди, как отполированные шары, чуть коснутся и уже откатываются друг от друга. Одежды и позы, и разговор — все из последнего журнала. Но неожиданное появление мисс Туз вполне реально. Джени униженно просит ее уйти, боясь разоблачения и того, что вот сейчас рухнет все синтетическое великоколепие «гарден парти». Но когда дамы возвращаются в гостиницу из сада, мисс Туз приветствует их фамильярным «хелло», а одной из них делает выговор за пропущенный четверг. Они все пайщики в «предприятии» мисс Туз! И дамы и их мужья, знающие, откуда в доме «экстра-мани». Неловкость отвратительного открытия развеивает мисс Туз: ведь они никому не делают вреда, напротив... Наступает даже облегчение. Раз все занимаются этим — значит это законно. У них рождается особая мораль круговой поруки.

Но вваливается пьяный и веселый сосед Джек, наследник миллионера, имеющий все, в том числе и острое сознание, что живет впустую. Он чувствует что-то неладное в настроившихся физиономиях знакомых ему людей. Он видит мисс Туз, ба, припоминает, что когда-то в Лондоне звал эту леди и ее «девушек». Момент озарения, взгляд на застывшую компанию, и Джек дико хохочет и сквозь хохот кричит им: «А вы, оказывается, бизнесмены лучше, чем я предполагал». И валится от хохота на диван, и этот сатанинский хохот жжет их огнем, пугает, как пропасть, развершаясь под ногами. И по приказу мисс Туз мужчины затыкают Джеку рот, притворяясь, что на время, и внутренне надеясь, что навсегда. Его душат и закапывают в саду.

Это место зарастает свежей травой. «Все будет прекрасно в вашем саду», — говорит мисс Туз хозяевам на прощание, довольная, что марионетки достигли дна и никуда теперь не денутся.

Такую вот пьесу написал Эдуард Олби. Ее хорошо поставил режиссер Питер Гленвилл и сыграли актеры — в трагикомическом ключе. «Чтобы все было в саду» — и оранжеерея, да и закопанный труп. Критика, воздавая должное таланту драматурга, бросает ему один веский упрек: слишком легки переходы от комедии к трагедии, характеры недостаточно мотивированы. Видно, критики лучшего мнения о героях, чем их создатель, считающий, что подобным синтетическим людям все дается легко. Любопытно, что против темы возражений нет. Несколько лет назад в графстве Нассау, под Нью-Йорком, полиция раскрыла подпольную проституцию среди замужних состоятельных дам, причем выяснилось, что мужья знали, откуда в доме «экстра-деньги». Правда, там не было убийств. Но в конце концов драматург имеет право на художественный вымысел. А может быть, на прозрение? Не все трупы раскапывают. И на чистую воду выводят не всех желающих, чтобы в их садах было все.

С. КОНДРАШОВ,
соб. корр. «Известий».

НЬЮ-ЙОРК, декабрь.